

24.12.92

136

Лев ДУРОВ: «Я ТАКОЙ ЗАВОДНОЙ. ЗАВОЖУСЬ И ПОШЕЛ, ПОШЕЛ»

Дуров

Повода для беседы с народным артистом страны Львом Дуровым искать не надо. Он есть всегда. Десятки ролей в театре и кино, режиссерские работы. Ему одному присущая неистовость во всем. Открытость, даже детскость какая-то...

— Лев Константинович, нынешний театральный сезон для вас уже (даже страшно произнести) из пятого десятка. Актерская биография, прямо скажем, не маленькая. А как настроены?

— У меня — хорошее, да и в театре, по-моему, тоже неплохое.

— Понятно. Вы имеете в виду недавний «Лес» по Островскому, поставленный вами?

— Поставить «Лес» было давней моей мечтой. Я много лет намеревался осуществить ее, да все откладывал по разным причинам и обстоятельствам. Вот теперь, наконец, удалось. Несмотря на то, что ставили пьесу великие режиссеры и играли замечательные артисты, мне всегда казалось, что в ней осталось много-много неразгаданного. Не мне судить, удалось ли открыть нечто новое, но во всяком случае мы попытались. Прежде всего в образах Несчастливцева и Счастливецца, Аксьюши и Петра. Кстати, об этих молодых людях обычно говорили как-то вскользь. А для меня они — русские Ромео и Джульетта. Правда, правда, я ничего не преувеличиваю. Подобно юным Монтеки и Капулетти они оказываются в водоворот самодурства старших, только вот жертвами, по счастью, не становятся. Я очень рад и тому, что исполнитель роли Несчастливцева актер Олег Вавилов сделал новый большой шаг в моей режиссерской биографии. У нас в спектакле все в основном ровесники своих персонажей, словом, такие, какими их представлял сам Островский. А вообще, когда режиссер начинает рассказывать о своем спектакле, это всегда довольно смешно. Мы, что могли, сделали. Теперь пусть говорят зрители и критика.

— А как вы относитесь к критике?

— По-разному. Если она честная и объективная, то может быть нелицеприятной и жесткой. Но когда о чем-нибудь или о ком-нибудь пишется фивольно, а порой и оскорбительно, то это ужасно, независимо от того, в чей адрес направлено. Случается: автор спохватывается, даже извиняется, но слово-то уже вылетело, и его, увы, не вернуть. Бейся не бейся. То же подчас бывает и с театральной критикой. Иной раз просто не понимаю — какова точка отсчета у тех, кто поднимает на щит, расхваливает то, что у меня, как у зрителя, вызывает недоумение или раздражение. Не на столько же я выжил из ума, чтобы не суметь отличить истинное от фальши и подделки. Что же касается оценки критикой моих профессиональных качеств, то тут мне как-то спокойнее. Она на меня, как на режиссера, никогда особого внимания не обращала. Ну и ладно. Не обращает и не обращает. И Бог с ней.

— В таком случае вернемся к разговору о театре. Ощущается какое-нибудь движение, есть ли что-то новое?

— Безусловно. Меняется зритель. После спектаклей частенько звучат овации, как на премьерах. Вижу лица в зале. И какие! Взволнованные, радостные, сопричастные. Так что настроение по этому поводу праздничное. Есть надежда, что зрители отвлекутся, наконец, от американских фильмов, наводнивших все, отойдут от всяческой мишуры и вернутся к прямому общению, к театру, придут к актерам, что было так свойственно русской публике во все времена. Думаю, что теперь театр совершит серьезный художественный виток. Ведь когда появляется свобода и мозги отдыхают от всевозможной полемики, то появляется возможность подумать о вечном, сказать о чем-то большем, чем наша каждодневная жизнь, вообще о пребывании человека на Земле. Но вот смотрите, какой тут возникает парадокс. Когда сдерживали, мешали, запрещали — возникали неожиданные художественные всплески — рождались прекрасные театры, пьесы, спектакли. А кончили все запреты — ставьте, что хотите, и драматурги словно бы перестали писать. Совсем нет современных пьес. Где они? Может быть, их пока обдумывают? Тем временем режиссура моментально набросилась на классику. Прежде всего русскую. Ее сейчас ставят практически в каждом театре. Необходимость разговора о ценностях непреходящих, наверное, провоцирует. Оно и хорошо. Думаю — все к лучшему. По крайней мере классика даст возможность театру приобрести из полемического более глубокое, более приближенное к искусству звучание.

Вообще, по-моему, начался определенный выход из какого-то заторможенного состояния. К нам в театр в середине того сезона пришла группа актеров во главе с режиссером Сергеем Женовачем. Это замечательно. Прилив новых сил всегда необходим, тем более молодых. А ребята все талантливые, разные и очень симпатичные. Они уже сделали свой первый у нас спектакль — «Король Лир» Шекспира. Интересная, яркая работа, внесшая особую свежую струю в нашу жизнь. Сейчас они готовятся к новой премьере. Мне от этого очень радостно — значит есть движение, обновление, нет застоя мыслей и чувств.

— А некоторое ощущение грусти вас не посетило, что не сыграли Лира? Ведь вы репетировали эту роль в театре, правда, в так и несостоявшемся спектакле Владимира Портного?

— Скажу честно — у меня даже сердце не екнуло. У них совершенно другой Лир, иной по трактовке спектакль. Мне было просто очень интересно. Зависти даже белой не возникло. А что Лира не сыграл — ничего страшного. Не сыграл и не сыграл. Отношусь к этому спокойно и за роли не хватаюсь, потому что все лучшее я уже сыграл в спектаклях Анатолия Васильевича Эфроса.

— Как вы считаете, в театре должны быть «звезды»?

— Ни один вид искусства, как и спорт, не может существовать без «звезд». Усредненность никогда и ни к чему хорошему не приводила. Талант Богом дается не всем одинаково. Но театру нужны и «звезды», и, как говорится, люди массовки. Преданность от каждого требуется полная, до фанатичности. Вот и ущемленных людей не будет. Гордость должна быть за то, что ты делаешь. И если, скажем, в «Гамлете» играешь роль Могильщика, то при этом не думай: ах, почему не я, а Пол Скофилд — великий исполнитель Гамлета. Играй так, чтобы великий трагик смог бы сказать: нет, у меня такой Могильщик не получится. Тогда и гордиться можно. Знаете, убежден — загубленных талантов почти не бывает. Значит, не очень и хотелось. На самом деле так. Человек же, чувствующий себя обделенным в театре, изводит всех вокруг. Наносит ущерб общему делу. Работать с ним невозможно, он как бы в антагонизме со всеми артистами, на лице постоянное недовольство. Режиссеры опасаются занимать их в спектаклях. Мне таких артистов просто жалко. Думается, ну что ж ты сам себя обкрадываешь. Мог бы замечательно играть, а с эдакой озлобленностью столько проморгал, столько не сделал. Трезво оценивать свое положение в театре совсем не лишне. И возраст тоже. Иногда смотреть в зеркало и понимать, что время идет, пора уступить место другим. Ведь тебе тоже кто-то уступил — добровольно или не совсем, но уступил. Это естественно. Жизнь театра довольно жесткая.

— Лев Константинович, вас тут как-то по телевидению представили как главного режиссера родного Театра на Малой Бронной. На это были основания?

— С нашим ТВ не соскучишься — вот это правда. Оснований никаких не было, а вопросов в результате той информации было множество. Сразу же начались звонки. Кто с поздравлениями, кто с естественным вопросом: не сошел ли я с ума. И правда. Я — главный режиссер! Нелепость. Все в театре отлично знают, что я много раз отказывался от подобных предложений и никогда в жизни на такую должность не пойду. Потому что руководить надо уметь — это осо-

бый талант. К тому же необходимо иметь огромную художественную программу. Ни тем, ни другим я не обладаю.

— А как складываются отношения с кино?

— Довольно странно. Вот снялся недавно в пяти фильмах, но так их и не видел, а они далеко не дурные, и актеры хорошие играют. Однако на экраны картины не выходят. Там царствует чужой, пугающий кинематограф. Одни названия чего стоят. В принципе я против запретов, но от этого кровожадного потока импортных лент нужно зрителям защитить. Ведь он практически смыл наше кино. А оно у нас, честно говоря, хорошее. И актеры замечательные. Правда, теперь им иной раз приходится сниматься в недостойных их таланта фильмах. Актеров нечего осуждать, поскольку известно, в каком мире сейчас живем. Последнее время я отказывался от съемок из-за репетиций «Леса». Но в двух картинах сняться все-таки согласился. Обе работы чрезвычайно интересные. Небольшая, но психологически сложная роль пристава у Бориса Бланка, экранизирующего «Тьму» Леонида Андреева. Вторая — «Мастер и Маргарита», которую ставит Юрий Кара. Играю Левия Матвея. Булгаков завораживает, увлекает. Мне очень нравится, как режиссер пробивается, проникает в необычайный мир писателя. И я с любопытством следую за ним.

— Сорок лет в театре. Много было разных событий. Что чаще всего вспоминается?

— Самое главное то, что я 26 лет проработал с Анатолием Васильевичем Эфросом, с одним из выдающихся режиссеров мира. И был у него одним из самых занятых артистов. Это огромное счастье и подлинная удача моей жизни. Театральных и актерских потрясений было безусловно немало — всех не перечислить. Но на нашем веку, пусть другие актеры не обижаются, считаю, что гений один — Смоктуновский. Он совершил переворот в актерской школе, в профессии. Обдуманно или нет — неважно. Он не просто создатель многих прекрасных образов, а в какой-то мере актерский миссионер. Ему нельзя подражать, за ним можно только следовать. Вообще когда вижу блистательное исполнение или спектакль, хочется работать. А если наоборот — просто руки опускаются, думаешь — что же театр такой потухший, неживой.

— Чего вы боитесь больше всего?

— Равнодушия людей. Тех, кто делает вид, что ничего вокруг страшного не происходит. Боюсь за будущее стариков. Если уж мне денег хватает только-только на еду, то что же делать им? Боюсь за детей, которые сейчас могут на своем «бизнесе» заработать в день больше, чем я за месяц. Что их ждет дальше? О чем думают их родители? Пугает собственная беспомощность перед всем этим.

— Вам не приходила мысль уехать?

— Нет. Никогда. Это трагедия для меня. Ездить люблю. Я человек любознательный, за границей почти не сплю, даже ночами брожу по городу (архитектуру, как ни странно, можно рассмотреть лишь ночью); везде хожу, подошвы до дыр стираю, через две недели — умираю, хочу домой.

— Вы счастливы?

— Думаю, что такими бывают только идиоты. Живу постоянно в сомнениях. Однажды в Болгарии видел одного немца — он хохотал и радовался всему. Он был счастлив. Смотреть на это было страшно.

— Что дает вам силы работать?

— Да все. И даже то, на что злюсь. И то, чему улыбаюсь. И дети, и природа, и близкие, и общение с друзьями. Лариса Шепитько спросила как-то Эфроса: «Как мне остановить Дурова?» Он ответил: «Не вздумайте. Он умрет». Заводной я такой. Завожусь и пошел пошел. А что дает силы? Бог его знает. Любовь к жизни, наверное.

Беседу вела
Наталья БАТАЕН.